

# КАЗАК - АРТИЛЛЕРИСТ

В прошлом году на зеленогорском Мемориале вспыхнул Вечный огонь. Зажечь его поручили старейшему и почётному жителю города Николаю Иосифовичу Сенкевичу. В тот памятный день среди ветеранов, стоящих на небольшой трибуне, был замечен высокий и осанистый мужчина в форме кубанского казачества. Это был Иван Фёдорович Турчин, кубанский казак третьего поколения, живущий в военном городке на озере Красавица с дочерью и зятем.

Ивану Фёдоровичу в этом году в мае исполнится девяносто один год. Несмотря на возраст и прошлые ранения, ветеран ежегодно лично участвует в возложении венков и цветов на Братские могилы в самый святой для него день – День Победы. Иван Фёдорович помнит в мельчайших подробностях каждый день войны, начиная с первого. Родные меня предупредили, что отец и тесть может часами вспоминать события семидесятилетней давности, и рассказывать о них так, как будто происходят они сию минуту. Думала, немного всё ж таки преувеличивают. Наша встреча с Турчиным продолжалась более трёх часов, и я в этом воочию убедилась. Острота памяти – удивительная, и рассказчик – заслушаешься.

В начале разговора, глядя на мой блокнот, далеко не маленький, Иван Фёдорович деликатно предупредил: «Блокнота не хватит, чтобы описать мою долгую жизнь. Столько всего было – не пересказать». Так и получилось. Великая Отечественная занесла его, двадцатилетнего паренька, который знал лишь коня да мужскую работу на хуторе в своей станице Платнировской, на Ленинградский фронт. А потом были и освобождение Польши, бои за Германию, Чехословакию, Венгрию в составе Белорусского и Первого Украинского фронтов. Двадцать три правительственные награды и орден Великой Отечественной войны на парадном кителе ветерана. Главные из медалей – «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», две медали «За боевые заслуги».

До войны Иван Турчин успел отслужить один год в Дибунах, под Ленинградом, в 24-м прожекторном полку.



Начинал рядовым, закончил войну в звании старшего сержанта. В первый же день войны полк развернул боевые позиции в лесу на Выборгском шоссе. Мимо них на Выборг шли колонны танков, автомашин, спецтехники, а отсюда в Ленинград возвращались одни санитарные машины. Вскоре Турчина направили в Ленинград во Вторую

стрелковую бригаду 195-го зенитного полка. Так он стал зенитчиком. Защищал Кировский завод, переправу через Неву. Приходилось скрываться в лесу, тащить за собой раненых. Был и сам ранен.

«Ранение было лёгкое, – говорит о тех днях Иван Фёдорович, – но последствия оказались серьёзными. Началось заражение крови. Сильно опухло лицо, и меня отправили сначала в Боткинские бараки, а потом в госпиталь на 2-ю линию Васильевского острова. Госпиталь часто бомбили, и всех раненых отводили в бомбоубежище. Я был тогда полуслепой, ко мне приставили медсестру. Самостоятельно я идти не мог. Но я отказался спускаться вместе со всеми – будь что будет! Я верил в судьбу. Верил и в бога, хотя был коммунистом, – мать меня крестила и была сильно божеественной».

Тогда, конечно, нельзя было в этом признаваться, но время меняет всё. Ветераны стали рассказывать и о других вещах и событиях, о которых не принято было даже думать, не то что говорить. Ивана опытные врачи спасли. А может, помогла его неистребимая вера, которая вела по жизни и по судьбе. Счастливых и необъяснимых случайностей в жизни Турчина было немало. Как он умудрился не отморозить ноги в летних ботинках, которые ему сильно жали, в тридцатиградусные морозы суровой ленинградской зимы сорок первого – сорок второго годов, уму непостижимо. Вполне могли лишиться обеих ног. Рядом с ним за одну ночь в сарае (до госпиталя они еще не дошли) насмерть замёрзли десять человек.

Воля к жизни? Сильный организм? Да какие уж там силы после скудной кормёжки в госпитале? Ленинград голодал, голодали и раненые. После ранения положен был ему месячный отпуск, да ехать было некуда – вся родня осталась на оккупированной территории в Краснодарском крае. Турчин рвался на фронт. Высоких слов не говорил, крутого героя из себя не строил. Но и бездействовать не мог. До фронта был долгий путь длиною в шесть суток пешком. А на этом пути – комендант деревни Жиха-

ревка, который хотел отправить бойцов на расстрел, даже не проверив у них документы. И только смекалка да военная тактика помогли Ивану Турчину с товарищем остаться в живых.

Потом было тяжелое ранение и госпиталь в Вологде, и опять бои – за окончательное снятие блокады Ленинграда в составе 12-го гвардейского артиллерийского полка, взятие Синявино, Пулковских высот, освобождение Красного Села, Павловска, Кингисеппа. Сколько болот пришлось пройти, таща на себе технику, выбивая немцев из хорошо укрепленных дотов и дзотов! Зенитчикам подвигов хватало. Сколько раз смерть шла по пятам за Турчиным! Он не задумывался об этом. Довелось ему освободить и Литву, и Восточную Пруссию в составе Кубанского казачьего дивизиона кавалерии.

Демобилизовался 29 мая 1946 года в Будапеште. Оттуда – в Ленинград. Жил на Васильевском острове. В Большом доме Турчину сказали: «Для вас, старший сержант, война не кончилась. Направляем вас во внутренние войска». Так Иван Турчин стал командиром отделения, начальником караула МВД, охранял различные объекты в городе. Женился, вырастил троих детей – двух дочерей и сына. Есть у ветерана и внуки, и правнуки, и праправнуки. Клан Турчиных разрастается.

Недавно в их военный городок приезжала губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко с целью проверки строительства коммуникаций. Иван Фёдорович вышел на балкон, и его заметили. Губернатор лично захотела навестить ветерана, попросилась в гости. Иван Фёдорович был рад этому и с удовольствием пообщался с Валентиной Ивановной. Думаю, довольны были обе стороны. В семье казака-артиллера – полный порядок.

Любимые занятия Ивана Фёдоровича – следить за новостями спорта и политики, а также пешие прогулки. И, конечно, рассказы о боевом прошлом. Ведь прошлое – оно не отпускает, оно всегда рядом. Не может ветеран забыть и зачеркнуть ни одного дня войны.

С Днём Победы вас, Иван Фёдорович! Благоденствия вам, вашей семье и вашему роду!

Елена ПОПОВА